

ВЫДАЮЩИЙСЯ РЕЖИССЕР И ПЕДАГОГ

Я держу в руках пожелтевшее от времени свидетельство, на котором корявой рукой дядька выведено, что 17 февраля 1855 года у уездного учителя Николая Синельникова родился сын Николай.

Целый век, век событий величайшей исторической важности, отделяет нас от этой даты. Но она не может быть забыта. Николай Синельников, вступив на театральные подмостки в пору деятельности Чернышевского и Салтыкова-Щедрина, в годы зрелости Островского, всегда оставался верен передовым устремлениям русской общественной мысли, традициям демократического реалистического искусства. Актер, режиссер, антрепренер, он вошел в историю нашей сцены как неустанный борец за высокие гражданское предназначение театра, за его реализм и народность.

Трудно переоценить значение Синельникова в истории русской театральной провинции середины XIX—начала XX века. В эпоху, когда организация театрального дела была отдана на откуп предпринимателям, когда основная масса русского актерства жила в страшной нужде, лишенная уверенности в завтрашнем дне, когда о художественном уровне спектаклей из-за гонки премьер не было возможности даже и думать, Синельников неизменно боролся за утверждение полноценного репертуара, в первую очередь за Островского, за общедоступность искусства сцены.

Реформу театрального дела, проведенную Синельниковым, нельзя, конечно, считать столь всеобъемлющей, как коренная перелка, произведенная великими основателями МХАТ, — да она и не могла быть такой в силу специфических условий жизни провинциального театра. Зато мы с уверенностью можем говорить о Синельникове, как об одном из тех, кто своей практической деятельностью подготовил реформу Станиславского, поставил ее на повестку дня. Поразительно совпадение организационных и творческих исканий Синельникова с теми принципами, которые Станиславский положил в основу борьбы за обновление русской сцены.

...Я родился и вырос в Харькове, когда театр Синельникова был в расцвете, когда он являлся поистине культурным центром жизни города. Я помню залуженную народом площадку около театра в дни бенефисов, помню колоссальные очереди у кассы во время продажи билетов, галерею театра, до отказа заполненную молодежью, студенчеством, теми людьми, которых Синельников считал главными ценителями искусства.

Невозможно в газетной статье проследить весь путь Синельникова — от его первых режиссерских опытов, от первой антрепризы в Ростове до организации в Харькове одного из лучших русских театров, от первых общедоступных утренников до основания общедоступного театра на харьковской окраине, в рабочих кварталах города... Всестороннему анализу организационной и творческой деятельности Синельникова должны быть посвящены специальные исследования историков театра.

Я же — актер, и мои воспоминания о Синельникове, в театре которого я начал свой сценический путь, носят несколько иной характер. Вспоминая о замечательном мастере сцены Николае Николаевиче Синельникове, мне хочется не просто почтить его память словами огромной признательности и благодарности. Мне хочется посмотреть, все ли взято нами, работниками современного театра, из его огромного творческого багажа, восприняли ли мы его отношение к профессии, к театру, к жизни артиста.

Я пришел в театр Синельникова, когда его репертуар состоял почти исключительно из произведений русской и западной классической драматургии — Шекспира, Шиллера, Мольера, Островского, Тургенева, Сухово-Кобылина, Чехова, Горького... Я

вошел в театр, который жил насыщенной, интенсивной творческой жизнью. Душой, вдохновителем всей нашей работы был Николай Николаевич Синельников.

Предельно скромный в личной жизни, Синельников беззаветно отдавал всего себя театру. Его любовь к своей профессии, к людям театра и прежде всего к нам, актерам, была поистине безграничной. Вспомним, сколько волнующих, восторженных страниц посвящено в его книге «Шестьдесят лет на сцене» русским актерам, под руководством которых он начинал свой сценический путь. Ничто талантливое не ускользало от его взгляда, ничто гуманное, человеческое не проходило мимо, не вызвав в его душе искреннего, радостного отклика.

И в то же время сколько горечи и боли слышится в его рассказах об актерах, загубленных собственным безволием, пренебрежением к систематической работе.

Нас не может не волновать сегодня отношение Синельникова к актерам, в котором он видел основного творца сценического произведения и воспитанию которого отдавал большую часть своего режиссерского таланта. «Я поставил задачей всей своей жизни культивировать, растить, чеканить актерское дарование», — эти слова, написанные Синельниковым, можно было бы поставить эпиграфом ко всей его деятельности в театре. Блюменталь-Тамарина, Гарханов, Леонидов, Остужев, Радин, Кузнецов, Климов, Смирнова — целый ряд чудесных русских актеров прошли «университет» Синельникова, навсегда сохранив в душе горячую благодарность своему учителю.

Синельников обладал редким свойством улавливать задатки большого дарования, тонко и чутко руководить формированием молодого и неопытного актера. Не случайно еще на заре своей режиссерской деятельности Синельников сумел разгадать огромные трагедийные возможности В. Ф. Комиссаржевской. Работать у Синельникова — это значило быть окруженным постоянным вниманием и заботой.

Этот талантливейший художник постоянно воевал с пошлостью в актерском искусстве, был решительным противником поверхностного, пусть даже технически виртуозного исполнительского мастерства. Он требовал от актера прежде всего глубокого проникновения в зерно образа, раскрытия внутреннего мира персонажа.

Работа с Синельниковым всегда наполняла нашу жизнь трепетом и волнением. Он говорил не раз: «В волнующей работе — счастье, радость», и умел делать труд актера вдохновенным и увлекательным, передавая нам, своим ученикам, свойственное ему романтическое, приподнятое восприятие театра. И это — в обстановке бесконечной нехватки времени, в постоянной спешке выпуска новых спектаклей.

Я считаю, что нам надо было бы задуматься над рядом вопросов, поднимавшихся Синельниковым, к примеру, над его словами о темпах актерской работы, о том, что наша «обеспеченная жизнь породила расточительность времени», что «современный актер много отдыхает, мало волнуется». Не страдает ли действительно интенсивность творчества актера от замедленных темпов наших религий, не притупляется ли у нас способность на лету подхватывать брошенное режиссером слово, не становимся ли мы слишком благодушными и неторопливыми в творчестве?

Давно стала действительностью мечта Синельникова, мечта всех крупных деятелей русской сцены о театре — трибуне всего передового в жизни народа. Как же горячо, увлеченно, с какой пламенной отдачей всех своих сил, мыслей, чувств сцене должны работать мы, актеры советской сцены. И этому умению всего себя отдавать искусству нам следует учиться у замечательных мастеров прошлого, среди которых одним из лучших был Н. Н. Синельников.

Б. ПЕТКЕР,
народный артист РСФСР.

Соб. Мухоморова. 9/12 889